

Нвард Авагян, Юрий Беликов

Армянский складень

У крови есть странное свойство — беспомысленность на пролитую кровь. О пролитой только что — помнит. К ней взывает. Но помнит ли о предшествующей? На фоне проистекающих — во всех смыслах этого слова — мировых столкновений, превратившихся в межрелигиозно-этнические, как-то затухала трагедия целого народа — арцахских армян, да и вообще армян в целом. Вот была такая долговременно кровоточащая точка на карте (хотя она, разумеется, на карте остаётся, но уже в другом качестве) — Нагорный Карабах со столицей Степанакерт, впрочем, скоропостижно переименованной в Ханкенди. Имелось у Нагорного Карабаха и другое наименование — Арцах. Ибо жили здесь армяне со своей тысячелетней и героической историей, с 1813 года ставшей частью истории Российской империи, а затем и СССР.

А эту историю — будто ластиком. Да ладно бы — ластиком. А то — бульдозером или танком. Мол, не было таковой. И рослый человек в камуфляже, будто открывший летнюю смену директор пионерского лагеря, уже поднимает на флагштоке в центре опустевшего Степанакерта знамя иного государства. А после топчет флаг поверженного Арцаха, услужливо распятый у него под ногами. Дескать, «отряхнём его прах с наших ног».

Кроме рослого и отряхивающего прах, был ещё малорослый, но тоже в камуфляже — скрадывающий отпущенной бородею (седина в бороде, бес в ребро?) почти отсутствующий подбородок. Не эта ли физиологическая особенность подвигла одного единственным росчерком пера лишить крова целый народ? Во всяком случае, сто пятьдесят тысяч (примерное на 2023 год число) арцахских армян в одночасье вынуждены были покинуть родной очаг, политую кровью их предков землю. Остались, если остались, единицы.

«Настоящие русские, или Кубок с ликом вашего победителя» — так назывался опубликованный в первом номере «Дня и ночи» за 2017 год диалог проживавшей на тот момент в Степанакерте поэтессы и переводчика Нвард Авагян и Юрия Беликова, члена редколлегии «ДиН», живущего в Перми поэта и публициста. О чём там шла речь? О «мостах над облаками» — тех порой невидимых с земли, то пропадающих, то возникающих, но всегда ностальгических примерах и скрепах единения

бывшей Империи, какой хотите — российской или советской. О том, что в непризнанной республике Арцах были удивлены обнаружению в России «поэтов края бытия», или дикороссов, как выяснилось, собратьев по непризнанности и духовному сопротивлению. И Нвард Авагян совершает своего рода подвиг — переводит на один из древнейших языков Земли, армянский, большую книгу «Приют неизвестных поэтов (Дикороссы)», которую в 2002 году составил Юрий Беликов. Такая же, даже в её расширительном варианте, увидела свет в 2016 году в степанакертском духовном центре «Наири». Так арцахский читатель, да и в целом читатель Армении, узнал русских поэтов Андрея Власова (Великие Луки) и Валерия Прокошина (Обнинск), Геннадия Кононова (Пыталово Псковской области) и Бориса Косенкова (Самара), Сергея Лузана (Норильск) и Константина Иванова (Новосибирск), Гамлета Арутюняна, Сергея Кузнецихина и Александра Ёлтышева (Красноярск), Анну Павловскую (Москва) и Николая Бурашникова (село Калинино Пермского края). Всего — сорок авторов. Согласитесь, «одолеть» такой объём (в триста пятьдесят страниц!) на мосту перевода под силу только человеку пытливого и самоотверженного, каковым была и остаётся Нвард. Стоит заметить, что, кроме собственных поэтических и прозаических книг, на её счету переводы на армянский Эдуардаса Межелайтиса, Владислава Ходасевича и... хрестоматии культуры Китая.

Но вернёмся к названию диалога. Сначала — ко второй его части: «Кубок с ликом вашего победителя». Само собой, ведя пристрастный разговор друг с другом, собеседники касались не только сугубо литературных реалий, но и общественно-политических — с параллелями в Историю. В частности, Нвард привела пусть стародавний, но имевший место факт, согласно которому в 317 году нашей эры спапарет (или главнокомандующий) всеми войсками Мушех Мамиконян «так перебил войско напавшего на Армению персидского короля Шапуха Второго, что тот ускакал к себе в Персию, даже оставив свой многочисленный гарем. Все ждали худшего, — продолжает Авагян, — но Мушех, дав сопровождение и послов, выслал гарем обратно. Главный перс был настолько удивлён и тронут таким поступком, что приказал на своём

золотом кубке выгравировать портрет спарпета и каждый раз, поднимая кубок с вином, всматриваясь в лицо благородного армянина и тихо повторяя: „Во славу белого Всадника!“»

А теперь сопоставьте эти два эпизода, вернее, два типа личностей — умудрённого перса, пьющего вино из золотого кубка, на котором сияет лик его победителя, и рослого человека в камуфляже, вытирающего подошвы о флаг Арцах в 2023 году двадцать первого века. Увы, приходится признать: сей кубок не стал переходящим.

А что такое Арцах для армянского мира, лучше скажет русский поэт Сергей Городецкий. «Там, в непреступных высях Карабаха, являющихся с продолжением Карских и Севанских нагорий, — писал он в 1919 году в газете «Кавказское слово», — в течение двух тысяч с лишним лет армянский народ выдерживал натиск кочующих племён, сохраняя свою культуру, обороняя своё национальное лицо. Будучи единым этнографически, хозяйственно и по языку, Карабах сделался цитаделью Армении, восточным её флангом... Ибо сердце Армении, долину Арарата, нельзя защищать, не владея Карабахом... Рассеянные по всему свету, карабахцы всюду легко могут быть узнаны. Широкий размах, беззаветная храбрость, склонность к риску, уверенность в себе, своеобразное упорство, прямолинейная настойчивость, патриархальность в семейном быту — вот типичные черты карабахца, являющиеся как бы концентрацией старинных армянских доблестей, потускневших от жестокостей истории и в чистом виде сохранившихся в Карабахе. Высокий, кряжистый народ, ушедший в горы для спасения жизни, окреп в горном воздухе и предохранил себя от заражений, постигающих жителей долин...»

Вот почему этот «кряжистый народ» так долго и методично, не чураясь никаких приёмов, стогнали в долину. И согнали! А Нвард Авагян разделила с ним его горестную судьбу. К нам в редакцию было передано её письмо, в котором картина арцахского исхода, воспроизведённая бескомпромиссной свидетельницей человеческого катаклизма, не может не вызвать искреннего сочувствия и сопереживания:

«Представьте восьмидесятикилометровую четырёхполосную колонну на горной узкой наспех построенной дороге, левый бок которой упирается в гористый крутой склон, правый же смотрит... вниз, на такую же гористую бездну — двухсоткилометровое ущелье. Страшно было особенно ночью: когда и спереди, и сзади виден бесконечный четырёхлинейный серпантин красных огней, который навсегда уводит тебя от многотысячелетней Родины. НАВСЕГДА!

Два дня провели в дороге, пока не доехали до Гориса. Восемьдесят километров — за два дня! И за неделю по той же дороге — сто двадцать

тысяч душ, в том числе — престарелые и младенцы... Битком набитый транспорт! Зрелище хуже библиейского. Хуже в том смысле, что за тобой следит враг и спереди, и сзади... А вернее сказать — со всех сторон. И не мудрено, что на такой дороге с нами чуть не случилась беда. Встречный военный бензовоз с длиннющей цистерной вдруг опрокинулся и до того, как оказаться в воздухе над пропастью, взорвался. Адские пламени сразу перешли к нашим авто... Пять перед нами стоявших тоже воспламенились и сгорели дотла... Благо, что моему младшему за рулём удалось с молниеносной реакцией откатить машину и буквально чудом вывезти её из колонны... Но когда мы потом вышли из салона и огляделись по сторонам, увиденное буквально в дрожь бросало всех: оказалось, что местами и с левой стороны были глубокие обрывы. Наши сразу побежали вниз, в ущелье, чтобы спасти тех русских солдат бензовоза... Они были ранены, обгорели, но, слава Богу, не до смерти...

И это — после того, как двумя-тремя днями раньше турки в пригороде Степанакерта с гор, дистанционно, взорвали огромный бензосклад, где за горючим стояло до восьмисот человек, чтобы выехать из попавшей в руки врага Родины... Четыреста душ сгорели до пепла! ДНК многих трупов ещё не установлены. И ещё три сотни без вести пропавших там же... Из наших многим было видно, как изверги сверху смотрели в бинокль и танцевали от радости... И это — после так называемого прекращения „терроперации“! Вот с какими нелюдями нас убеждали и убеждают жить совместно... Божественная им кара всем!»

К письму Нвард Авагян было приложено её же стихотворение «Исход из Арцах». Не стихотворение, а вопль, наверное, не имеющий никакого отношения к изящной словесности. Неровные, не всегда прорифмованные строчки свидетельствовали о душевном состоянии загнанного человека, навсегда потерявшего свою историческую Родину. В тексте обозначена роковая дата — 23 сентября 2023 года (ох уж эти удвоения: 23 и 23!). Для неосведомлённого читателя напомним: именно 23 сентября минувшего года, выходя на трибуну Генеральной Ассамблеи ООН, премьер-министр Армении Никол Пашинян обнародовал свой замысел — фактически признать Нагорный Карабах частью Азербайджана. Стихотворение Нвард было полно укора и даже гнева, разделявших Рашу и Россию, которые будто бы превращались в две абсолютно противоположные страны. Однако концовка обнадёживала: звучало утверждение, что есть ещё «настоящие русские». И в этом было как бы предсказанное ранее — в том диалоге, в первой части его названия о «настоящих русских». Но по умолчанию Нвард прямо-таки кричала, что, стало быть, есть и не настоящие русские!

Юрий Беликов ответил Нвард Авагян: «Никогда я не был в Армении./Но с какой силой/сократилась там мышца Земли,/если этот старый армянин/оказался в Перми?» Мы посчитали уместным

и правильным опубликовать эти два поэтических послания двух давних собеседников, сведя их в единый «Армянский складень». Да вот и он.

Редакция «ДиН»

Нвард Авагян

Исход из Арцаха

И вправду краса:
Ни дождь, ни гроза...
Как будто дремлют
Божьи небеса.
А я сижу и
Грущу, как лоза...
Без урожая:
Сентябрьским днём
Двадцать третьего
Ограблена я!
Думы горькие,
И в мыслях — гроза...
Разбираться бы
Неторопливо —
Отчего наша
Жизнь пошла криво,
Да так — что боюсь
Смотреть ей в глаза.
Запад, он для нас
Всегда был Запад:
Далёкий, чужой...
А ты? Ты — Раша!
Когда ты стала...
Уже не наша?!
Твой удар для нас —
Что инъекция
Внутривенная,
Но смертельная...

А ведь весь Арцах
Был тебе предан,
Как никто другой,
И было это
Почти как кредо...
Дружба такая
Была нам дана,
Но ты предала! —
Предала ты нас.
Кто был суфлёром —
Бог иль Сатана?
А мы наивно
Кричали хором:
О мой русский брат,
Брат ты наш старший,
Брат патриарший,
Нет тебя краше!
А теперь кто ты?
Да и сами мы
Кто и где есть?
Нынче, сегодня!
Разве не твоя
Рукою тоже
Разом разверзлась
Для нас преисподняя?
«Единоверцы»,
«Верность» и «дружба» —
Слова пустые?
Ибо на деле

Всё оказалось
Ненстоящим!
Как назвать тебя?
Моей арцахской
Раной и болью?
Страданьем нашим?
Я уверена:
Впредь буду любить —
Не тебе судить! —
Россию только
В. Я. Брюсова,
Городецкого,
Евтушенко и
Друга моего
Ю. Беликова:
Он, Юрий, — пермяк! —
Всегда и болел
За мой Арцах так,
Как примерно я...
Ну ладно, пускай —
Чуть меньше меня.
Потому даже
На тропе узкой
И над пропастью...
Я буду кричать во мгле:
Не перевелись
Ещё русские —
НАСТОЯЩИЕ (!) —
На русской земле.

Юрий Беликов

Собирание ключей

Никогда я не был в Армении.
Но с какой силой
сократилась там мышца земли,
если этот старый армянин
оказался в Перми?!
Вот он бродит в шляпе-ситечке,
опрокинется носом фарфоровым —
и польются тоненькой струйкой
из его карманов ключи.
— Чайник, чайник! — кричат ему дети.
А чайник весь в трещинках,
розы его осыпались,
только помнит, как брючки поддёргивать,
усаживаясь в трамвай,
да детишек зовёт на подмогу —
расправить поверх пальтеца
ослепительно-грязный воротничок.

Армянин соберёт ключи,
как чужую ему землянику.
Соберёт и пересчитает
(ключ от дома? от сейфа? от сердца?
от любовницы? от машины?),
завернёт их в дряблый платок
и проткнёт его ржавой булавкой!
О, кого он при этом проткнёт?!
(Бабочку? Ноев ковчег? Главу государства?)
Я спрошу его: — Отче, скажи...
— Не отдам! —
...отзовётся с Камчатки.
Долго бездомный мир —
Весь, от бабочки до главы государства, —
будет просить человека
возвратить ему связку ключей.
Но в ответ прилетит: — Не отдам! —
...из глубин мироздания.